

В. В. Бочаров

ВОСТОК: ХАРИЗМАТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО И ОБЩЕСТВЕННАЯ СОЛИДАРНОСТЬ (АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

doi: 10.30759/1728-9718-2018-3(60)-126-132

УДК 94(3)

ББК 63.3(0)31

Статья посвящена проблеме общественной солидарности на Востоке, являющейся универсальным вызовом для государств региона. «Восток» — не географическое понятие, а регион с тождественными социокультурными свойствами, во многом отличными от характеристик Запада. Различия объясняются особенностями эволюции, осуществляемой преимущественно под влиянием либо внутренних факторов (Запад), либо внешних (Восток), т. е. за счет заимствованных западных институтов (культур). «Традиционное общество» рассматривается как исходная точка общественного развития и Востока, и Запада. Общественная солидарность в государствах Востока формируется вокруг харизматической власти. Харизма изначально закладывалась в структуру «вертикали власти», впервые возникшей на стадии вожества и сохраняющей свои базовые свойства на протяжении всей истории. Харизма вождя конструируется посредством инструментов «власти традиции», обеспечивавшей потестарные отношения в первичном социуме и апеллировавшей к иррациональным пластам психики человека. Наиболее устойчивые политические режимы Востока создавались лидерами, харизма которых основывалась на «архаических» поведенческих моделях. «Аномальное поведение», определяющее харизму, обуславливает новаторский потенциал власти, способность преодолевать консерватизм масс. Поэтому именно власть («герои») была источником социально-политических изменений в рамках традиционной эпохи. Аналогичную роль власть играет в процессе модернизации Востока, обеспечивая общественную солидарность, необходимую для устойчивого развития (модернизации) государства.

Ключевые слова: *Восток, Запад, традиционное общество, общественная солидарность, власть, харизма, аномальность*

*Восток/Запад:
общественная солидарность*

Общественная солидарность — необходимое условие эффективного функционирования и устойчивого развития современного государства. Солидарность, объединившая «эгоистические личности» (К. Маркс) в западном сообществе, возникла в результате распада традиционного общества, вследствие его модернизации, происходившей в течение нескольких столетий. Эта «органическая солидарность»¹ характеризуется функциональной взаимозависимостью элементов, обусловленной разделением труда. Она сменила «механическую солидарность», которая зиждилась на коллективных представлениях. В результате поведение людей, регулируемое иррациональными императивами, сменилось прагматически ориентированным, направленным на соблюдение писаных законов (права) и норм морали. Данный

¹ См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996.

тип солидарности проявляется в приверженности членов сообщества к общеразделяемым ценностям и чувствам, являющимся производными от разделения труда. При этом «конкуренция», которая сменила в известной мере «войну всех против всех» (Т. Гоббс), возникшую на развалинах традиционного общества, является органической составляющей солидарности западного социума. Словом, она формировалась в процессе самоорганизации (естественного развития) социальной материи, которая продемонстрировала способность к рекреации в условиях разрушения фундаментальных основ ее прежнего бытия. Этот процесс завершился на Западе появлением «национального государства», ставшего основным способом ее бытования.

На Востоке «национальные государства» возникают под воздействием Запада еще в начале глобализации. Разрушение традиционного общества также оборачивается «хаосом» («войной всех против всех»), возникшим в результате появления в процессе социальной индивидуализации масс «эгоистических личностей», о которых писал К. Маркс.² Однако это

² Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1955. Т. 1. С. 400–402.

не сопровождается самопроизвольным зарождением новых форм позитивной коллективности, как это случилось на Западе. В частности, заимствованные западные системы права, призванные играть эту роль, не работают, а жизнедеятельность граждан регулируется «неписаными законами», в основе которых лежит локальное понимание «справедливости».³

В качестве основной «скрепы» выступает «вертикаль власти», которая для обретения легитимности апеллирует к ценностям традиционного общества, продолжающим в той или иной форме определять сознание основной массы населения. В общем, проблема социальной солидарности является универсальным вызовом для государственности Востока.⁴

Сегодня социологи и политологи для понимания современных реалий Востока все чаще обращаются к традиционному обществу (А. С. Ахиезер, Л. В. Поляков, С. Г. Кара-Мурза, В. Шляпентох и др.), ограничиваясь, правда, классическими работами антропологов-эволюционистов Дж. Фрезера, Л. Моргана, социолога Э. Дюркгейма, хотя в течение XX в. антропологи исследовали множество культур, что позволяет на новом уровне реконструировать характерные для него социокультурные процессы.

О традиционном обществе и «власти традиции»

В первичном социуме «механическая солидарность» обеспечивалась «властью традиции», определявшей подчинение естественно возникшим поведенческим нормам. Ее легитимность была абсолютной, так как нормы неукоснительно соблюдались всеми, причем при отсутствии органов контроля (государства).⁵ Это объясняется тем, что нормы обладали высокой степенью интернализации благодаря бессознательному характеру их становления и воспроизводства. Немаловажную роль в этом процессе играли символ и ритуал (ритуалы перехода), сопровождавшие социальную мобильность индивида (группы). Они жестко увязывали иерархические смыслы с суггестивными практиками (статусные маркеры, музыкальный и танцевальный ритм, присяги, клятвы, подражание,

имитация и т. д.), обеспечивавшими интернализацию предписанных новым статусом социальных норм. В результате контроль над их соблюдением преимущественно осуществлялся психологическими механизмами саморегуляции, связанными с психофизиологией «привычки» и «запрета». Они порождали страх перед нарушением норм.⁶

Огромную роль играло и общественное мнение. Антропологами описаны сцены глубоких эмоциональных переживаний, испытываемых носителями традиционных культур в случае осуждения их поведения соплеменниками. Эти формы контроля были столь эффективны, что случаи даже непреднамеренного нарушения норм нередко приводили к психогенной смерти актора.

«Власть традиции» в первичном социуме олицетворялась как традиционными, так и харизматическими «естественными» лидерами. В качестве первых выступали старшие (старейшины родов, кланов), которые обеспечивали простое воспроизводство социума, сохраняя и передавая младшим прошлый опыт. Их власть, покоящаяся на представлениях о культуре предков, ограничивалась родственниками.

Власть харизматиков (шаманов, прорицателей, знахарей и т. п.) зиждилась на вере в обладание особым даром предвидения, целительства, вызывания дождя и пр. Их авторитет, в отличие от традиционных лидеров, распространялся за пределы собственных социально-родственных групп. Харизматики плотно взаимодействовали с молодежью, отправляя, например, ритуалы инициации, в которых участвовали представители всех родственных групп (родов, кланов) племени. Если авторитет традиционных лидеров связывался с культом предков, то авторитет харизматических — с магической идеологией, корни которой кроются в особенностях архаического мышления (магического мышления).⁷

Харизма и «аномальность»

Наличие харизмы связывалось с естественной «аномальностью» лидеров. Они выделялись необычным ростом, массой тела, разного

³ См.: Введение в востоковедение. СПб., 2011. С. 214–222.

⁴ См.: Бочаров В. В. Традиционализм Востока как «принудительная солидарность» (антропологический подход) // Власть и насилие в незападных обществах. Проблемы теоретического осмысления и опыт практического изучения. М., 2016. С. 738–749.

⁵ Это удивило мыслителей второй половины XIX в., находившихся еще под влиянием идей Т. Гоббса о том, что только с появлением государства и права был устранен хаос (право силы), свойственный «дикарям».

⁶ См. об этом подробнее: Бочаров В. В. Власть и табу: о культурно-исторических истоках традиционализма // Культурно-историческая психология. 2017. № 4. С. 109–117.

⁷ Понятие «магическое мышление», введенное в научный оборот Л. Леви-Брюлем, было с точки зрения психологической науки разработано Л. С. Выготским в концепции «мышления в комплексах». См.: Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1982. Т. 2: Мышление и речь. С. 140.

рода уродствами: косоглазием, волосатым покровом, отсутствием пальцев от рождения и т. д. (физические аномалии)⁸ — либо безбрачием, бездетностью, отшельничеством и т. д. (социальные аномалии). Эти лидеры также отличались повышенной возбудимостью, предрасположенностью к экстатическому опыту, суггестивным даром. Отмечается их артистизм, музыкальность, способности к стихосложению и т. д., а также склонность к нарушениям табу (психологические, поведенческие аномалии). Отправляя ритуалы, они использовали эти способности для погружения участников действия в транс, что обеспечивало бессознательное усвоение ими социальных правил.⁹

Психологическая конституция харизматиков имела общие характеристики с психологией юношей, склонных к нарушению поведенческих норм вследствие возрастных психофизиологических особенностей (отрицание авторитетов, повышенная возбудимость, агрессивность и т. д.). Альянс харизматиков и молодежи прослеживается на всех стадиях политогенеза, особенно в революционные периоды.¹⁰

Институционализация харизмы.

Харизматическое лидерство и Восток

Харизма стала важнейшей составляющей институциональной власти, возникшей на стадии вожества.¹¹ Появление подобного института было обусловлено усложнением социального организма, возникновением новых противоречий между различными социально-родственными группами (кланами, племенами), появлением дружины, состоявшей не только из «своей» молодежи, но и из чужаков.

Новая социальная реальность требовала адекватной реорганизации власти. «Аномальность», ранее определявшая авторитет «естественных» харизматиков, стала конструироваться посредством ритуалов инаугурации вождей. Претенденту на трон предписывалось совершение акций, запретных для остальных: инцест, гомосексуальный акт, убийство ближайших родственников, каннибализм.¹² Сло-

вом, харизма стала неотъемлемой составляющей власти с момента ее институционального оформления.

Как известно, члены родственных групп, из которых состояло традиционное общество, были повязаны жесткими обязательствами взаимной поддержки. Совершение же подобного рода акций вождем символически отторгало его от собственной социально-родственной группы, превращая его из «родового» в «национального» лидера, а значит, способного блюсти интересы социума, а не только своего клана.

Историки Древности и Средневековья приводят большое количество сведений по «аномальному» поведению правителей (убийства родственников и близких, инцестуозные браки и др.) Эти сведения подаются в качестве экзотических свидетельств «дикости» и «варварства» деспотов, развращенных неограниченной властью и т. п.¹³ На самом деле, как нам представляется, подобное поведение запрограммировано в самом феномене власти: оно в той или иной форме прослеживается на всех этапах ее бытования.

Одной из причин революций, потрясавших Восток в течение прошлого и нынешнего столетий, было нарушение данного закона власти. Почти все они совершались под лозунгами борьбы с nepотизмом (кумовством), коррупцией. Однако через некоторое время пришедшие к власти лидеры обвинялись в том же, что приводило к очередной «революции». И те и другие, следуя традиции родственной солидарности, рекрутировали в государственный аппарат в основном своих сородичей («трайбализм»). Отрешенные же от власти кланы («революционеры») борются, по сути, за перераспределение престижных и материальных ресурсов, привлекая лозунги, основанные на ценностях Запада, чтобы заручиться его поддержкой. Однако, придя к власти, они наступают на те же грабли.

Лидерам же, обретавшим харизму путем жесткого отношения к «своим», как показала практика, удавалось консолидировать массы для осуществления модернизационного проекта. Сталин, как и его архаические предшественники (Иван Грозный, Петр Первый), не только периодически казнил «врагов народа» из числа приближенных, но и, по сути, убил

⁸ В русской культуре, например, это связывалось с «царскими отметинами».

⁹ См.: Потестарность: Генезис и эволюция. СПб., 1997. С. 21–81.

¹⁰ См. об этом подробнее: Бочаров В. В. Интеллигенция и насилие // Антропология насилия. СПб., 2001. С. 83, 84.

¹¹ См.: Крадин Н. Н. Вожество по данным археологии и этнологии // Антропология власти: хрестоматия по политической антропологии. СПб., 2007. Т. 2. С. 393–411.

¹² См.: Потестарность: Генезис и эволюция. С. 21–81.

¹³ См.: Костюхин Е. А. Александр Македонский в фольклорной и литературной традиции. Сер.: Исследования по фольклору и мифологии Востока. М., 1972. С. 12.

попавшего в немецкий плен сына, отказавшись, по укоренившемуся мифу, обменять его на фельдмаршала Паулюса, заявив: «Я солдата на фельдмаршала не меняю». Модель поведения, близкую к «архаическому» аналогу, продемонстрировал в 2014 г. глава КНДР Ким Чен Ын, казнив, по утверждению источника, всю семью своего дяди.¹⁴ Не жалел ближайших сподвижников и «Великий Кормчий», особенно в период «культурной революции», отмечено также и его суровое отношение к сыну.¹⁵ И сегодня власть в Китае демонстрирует эту жестокость, транслируя по ТВ, к примеру, расстрелы высокопоставленных коррупционеров. Показательно мнение китайского бизнесмена: «Я не думаю, что расстрел для взяточников — это жестокость. Народ должен верить в могущество власти».¹⁶ Словом, носитель культуры оценивает подобное поведение власти как необходимое условие ее легитимности. Получил мировую известность рецепт победы над коррупцией от бывшего правителя Сингапура Ли Куан Ю «не жалеть сажать в тюрьму провинившихся друзей и родственников».¹⁷

Харизма лидерами Востока обретается и иными формами аномального поведения, извлеченными из культурных архивов. Например, каннибализм верховных африканских правителей Ж. Бокассы в ЦАР и И. Амина в Уганде (1970-е гг.), как правило, объясняют их психической патологией, хотя традиционное приветствие зулусского вождя, к примеру, гласило: «Ты глава рода, клана, ты, кто поедает людей, убив их и отняв все имущество».¹⁸

Ритуальные практики, выведившие лидера за пределы «человеческого», коренным образом трансформировали психологию власти. Появляется феномен «богочеловека», осознававшего свою избранность, безгрешность и святость. Поэтому создатели древних империй (супервождеств) могли объявлять себя богами, что сделал, как известно, Александр Македонский. «Психологические документы» (Л. С. Выготский), увязывающие нарушение табу (преступление) с обретением психоло-

гии сверхчеловека, фиксируются в поведении современников.¹⁹ По мнению политологов, именно комплекс данных переживаний определяет психологию «подлинного лидера». Так, Б. Рассел пишет: «Исключительная самоуверенность, которая не только проступает на поверхность, но и глубоко укоренена в подсознании, лежит в основе психологии подлинного лидера».²⁰

Действительно, собственные наблюдения и близкое общение со многими «прорабами перестройки» в 1980–1990-х гг. убеждают нас в справедливости этих слов. Только искренне убежденные, уверенные в правоте своих идей деятели производили внушающий эффект, «заражая» ими массы. Данные психологические пласты, «укорененные в подсознании», фиксируются у современных политических лидеров РФ.²¹

Благодаря психологической трансформации власть становится главным генератором новаций, обретает способность преодолевать косность традиционалистски ориентированного населения. Вожди превращаются в непрерываемых авторитетов и законодателей, внедряя новые идеологии (культы), которые символически закрепляются во властной атрибутике и ритуалах.

И современные правители Востока часто являются творцами идеологий (теорий развития): достаточно вспомнить сталинизм, маоизм, кемализм, мобутизм и т. д. Будучи «священными писаниями» по сути, они предполагают построение «царства божия на Земле». Они могут даже опираться на авторитет науки («научное мировоззрение»), отождествляемой на самом деле с пророческим даром «учителя».²² Правда в данном случае «учителем» является либо сам глава государства, либо «священный предок», с которым его связывают родственные или духовные узы. Население же усваивает идеологии (смыслы) посредством массовых ритуалов и празднеств по случаю знаменательных дат в мифологизированной истории, биографии «священного предка» и т. п. Бессознательному усвоению смыслов, пронизанных лояльностью власти, способствует использование музыки, танцев, лозунгов, клятв, речевок

¹⁴ См.: Ким Чен Ын казнил всю семью дяди, включая младенцев // Аргументы и факты. 2014. 26 янв.

¹⁵ См.: Панцов А. В. Мао Цзэдун. М., 2012. С. 484, 503, 600.

¹⁶ В Китае за коррупцию — расстрел. Стоит ли вводить это у нас? // Аргументы и факты. 2009. 17 июня.

¹⁷ Борьба с коррупцией: сингапурский вариант. URL: <https://www.politforums.net/eng/world/1426787057.html#lastpost> (дата обращения: 15.04.2017).

¹⁸ Брайант А. Зулусский народ до прихода европейцев. М., 1953. С. 298.

¹⁹ Данный феномен описан Ф. Достоевским в романе «Преступление и наказание» в переживаниях Р. Раскольникова.

²⁰ Russel B. Power: A New Social Analysis. London, 1985. P. 9–25.

²¹ См. об этом подробнее: Бочаров В. В. Интеллигенция и насилие. С. 83, 84.

²² Там же. С. 69–80.

и т. п. в ходе празднично-ритуальных практик. Огромную роль в этом процессе играют СМИ, литература, живопись и другие виды искусства. Сконструированная подобным образом лояльность власти в лице верховного правителя является основой солидарности восточного социума.

Выведение вождя из статуса «людей» посредством упомянутых ритуалов трансформировало и психологию управляемых. Архаическое (магическое) мышление ассоциировало правителя с Силой (магической — божественной), заключенной в конкретной персоне, ответственной за порядок и благоденствие в социуме. Ее он демонстрировал, вызывая дождь, предотвращая засуху и голод, пророчествуя, одерживая военные победы. В результате росло число подданных, а захваченные ресурсы обеспечивали «блеск власти» (богатство), что стало основными маркерами ее Силы.²³ В общем, власть превратилась в абсолютную ценность как для правителей, стремившихся к росту могущества, так и для подданных, видевших в этом гарантию своего процветания.

В случаях же наступления «хаоса» (природные или социальные катаклизмы, военные поражения и т. п.) лояльность лидеру (любовь) оборачивалась, вследствие законов функционирования бессознательного, своей противоположностью (ненавистью). Лидер умерщвлялся (приносился в жертву), а на его место заступал более «сильный». Данный алгоритм смены власти, в целом, характерен и для современного Востока. Свергнутых правителей, вчера еще обожеествлявшихся, ждала либо смерть, либо политическое убежище за пределами страны.

Институт власти, первоначально опиравшийся на харизму, со временем традиционализируется. На место локальных предков приходит культ предков клана вождя, ставших ответственными за благоденствие всего социума. Часто вождь и сам зачислялся в «первопредки», а его захоронение обретало сакральный статус. Дружинники стали называть вождя «отцом», так как он в действительности выполнял отцовские функции, обеспечивая их калымом для вступления в брак, чего не мог-

ли сделать из-за бедности их биологические отцы.²⁴ Иными словами, он был гарантом их социального роста, брак же в традиционном обществе является основным маркером социальной полноценности. От вождя тем более зависел социальный рост рабов (чужаков), также входивших в состав дружины. Получили распространение и клятвы-ритуалы преданности вождю, освященные культом его предков.²⁵ Узлы личной преданности укрепились и посредством «брачной политики», когда приближенные воины женились на родственницах вождя, становясь таким образом под покровительство его предков. В результате талантливые военачальники, пробившиеся из низов, могли занимать высокие должности в иерархии вождества (древней империи).²⁶

И на современном Востоке налицо процесс традиционализации харизматической власти, оформляющей сакральность в рамках культа предков. Атрибутами культа являются сакральные захоронения (мавзолеи), на которых потомки (биологические или духовные) совершают поминальные обряды, подтверждая верность предначертанному «священным предком» пути, что гарантирует процветание социуму. Атрибутами являются и памятники вождям, где также совершаются ритуальные действия.

Титул «отца нации» получил широкое распространение: он присваивается верховным правителям (иногда закрепляется конституционно), реально опирающимся на армию, всегда состоящую из молодежи. Армейские присяги, по сути, являются аналогами клятвы преданности. Немаловажную роль в укреплении уз личной преданности продолжают играть и браки.²⁷

Харизматическое лидерство политологи считают особенностью политического процесса в западных странах.²⁸ Но оно представле-

²³ Поэтому в традиционном обществе богатство всегда выставлялось напоказ: оно убеждало подданных в незыблемости «порядка», установленного благодаря Силе власти. См. об этом подробнее: Бочаров В. В. Обычное право собственности и «криминальное государство» в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. № 4. С. 173–199.

²⁴ Костяк дружины состоял из представителей бедных семейств и чужаков.

²⁵ См.: Соловьева О. А. Поведенческий символ власти и политическая социализация // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. № 4. С. 104.

²⁶ См. об этом подробнее: Бочаров В. В. Власть. Традиции. Управление. Попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки. М., 1992. С. 92–135.

²⁷ Данный архетип воспроизводится в оппозиционных государствах структурах. Например, лидеры бандформирований в Чечне также обеспечивали «дружинников» ресурсами для брака. См.: Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте. Этногеография чеченской войны. М., 2001.

²⁸ См.: Pye L., Pye M. Asian Power and Politics: The Cultural Dimension of Politics. Cambridge, 1985. P. 16–30.

но и на Западе, где «аномальное» поведение лидера также обеспечивает поддержку масс (в качестве примера можно привести президента США Д. Трампа). Здесь, однако, рациональная политическая культура создает заградительный «смысловой барьер» (Б. Поршневу) в сознании акторов, препятствующий суггестивному усвоению иррациональных смыслов, транслируемых харизматиком, их трансформации в политическое действие.

В государствах Востока в условиях правового нигилизма масс харизма верховного правителя становится необходимым условием легитимности власти в целом, являющейся главной общественной «скрепой». Эта харизма черпается из культурных архивов «власти традиции», которая эффективно скрепляла традиционный социум. Сегодня в конструировании образа харизматика немаловажную роль играют государственные СМИ, искусство, литература.

Victor V. Bocharov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg)
E-mail: victana2007@rambler.ru

THE ORIENT: CHARISMATIC LEADERSHIP
AND SOCIAL SOLIDARITY (ANTHROPOLOGICAL ASPECT)

The paper deals with the problem of social solidarity in the Orient which represents a universal challenge for the states of the region. The "Orient" is not a geographic notion but rather a region with the identical socio-cultural characteristics in many respects different from the Occident. The differences are a product of the specifics of the evolution dependent mostly on either the internal factors (the Occident), or external (the Orient), i.e. owing to the influence of the borrowed western institutes (cultures). The "traditional society" has been taken as the starting point for the social development of both the Orient and the Occident. Social solidarity in the oriental states is built around the charismatic authority. Charisma was always inherently present within the structure of the "power vertical" which originated already at the chiefdom stage and maintained its basic characteristics throughout entire history. The charisma of a chief was designed by means of the "power of tradition" tools which supported the potestary relations within the primary society and appealed to the irrational levels of the human mind. The most stable political regimes of the Orient were built by the leaders, whose charisma was based on the "archaic" behavioral models. The "abnormal behavior" defining the charisma determined the innovative potential of authority, the capability of the leader to overcome the conservatism of the general population. That is why it was the authority of the leader (the "heroes") that was the source of all social and political changes during the age of tradition. Authoritative leadership plays a similar role in the process of modernization of the Orient supporting the social solidarity necessary for the sustainable development (modernization) of the nation.

Keywords: *the East, West, a traditional society, public solidarity, the power, charisma, anomaly*

REFERENCES

- Bocharov V. V. [Customary property law and the "criminal state" in Russia: an attempt at juridico-anthropological analysis]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2004, vol. 7, no. 4, pp. 173–199. (in Russ.).
- Bocharov V. V. [Intellectuals and violence]. *Antropologiya nasiliya* [Violence anthropology]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2001, pp. 39–87. (in Russ.).
- Bocharov V. V. [Power and Taboo: On the Cultural-Psychological Sources of Traditionalism]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2017, vol. 13, no. 4, pp. 109–117. (in Russ.).
- Bocharov V. V. [Society and culture in the evolutionary process]. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture], 2011, no. 14, pp. 272–283. (in Russ.).
- Bocharov V. V. [Traditionalism of the East as "forced solidarity" (anthropological approach)]. *Vlast' i nasiliye v nezapadnykh obshchestvakh. Problemy teoreticheskogo osmysleniya i opyt prakticheskogo izucheniya* [Power and violence in non-western societies. Problems of theoretical comprehension and experience of practical study]. Moscow: GBPOU Publ., 2016, pp. 738–749. (in Russ.).
- Bocharov V. V. *Vlast'. Traditsii. Upravleniye. Popytka etnoistoricheskogo analiza politicheskikh kul'tur sovremennykh gosudarstv Tropicheskoy Afriki* [Power. Traditions. Management. An attempt to ethnohis-

torical analysis of political cultures of the modern states of Tropical Africa]. Moscow: Nauka Publ., 1992, 294 p. (in Russ.).

Brayant A. *Zuluskiy narod do prikhoda evropeytsev* [Zulu people before the arrival of Europeans]. Moscow: Izd-vo inostran. lit-ry Publ., 1953, 434 p. (in Russ.).

Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [On the division of social labor]. Moscow: Kanon Publ., 1996, 432 p. (in Russ.).

Kostyukhin E. A. *Aleksandr Makedonskiy v fol'klornoy i literaturnoy traditsii. Seriya: Issledovaniya po fol'kloru i mifologii Vostoka* [Alexander of Macedon in folklore and literary tradition. Series: Studies on folklore and the mythology of the East]. Moscow: Nauka Publ., 1972, 192 p. (in Russ.).

Kradin N. N. [Chieftdom according to Archaeology and Ethnology]. *Antropologiya vlasti. Khrestomatiya po politicheskoy antropologii* [Anthropology of Power. Reader on political anthropology]. Saint Petersburg: SPbGU Publ., 2007, vol. 2, pp. 393–411. (in Russ.).

Pantsov A. V. *Mao Tszedun* [Mao Tse-Tung]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2012, 867 p. (in Russ.).

Potestarnost': Genezis i evolyutsiya [Potestarian: genesis and evolution]. Saint Petersburg: MAE RAN Publ., 1997, 214 p. (in Russ.).

Pye L., Pye M. *Asian Power and Politics: The Cultural Dimension of Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985, 414 p. (in English).

Russel B. *Power: A New Social Analysis*. London, 1985, 328 p. (in English).

Solovyeva O. A. [Ceremonial symbols of traditional authority and political socialization: Emirate of Bukhara (19th – beginning of 20th century)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2001, vol. 4, no. 4, pp. 103–115. (in Russ.).

[The fight against corruption: the Singapore version]. Available at: <https://www.politforums.net/eng/world/1426787057.html#lastpost> (accessed: 22.05.2018). (in Russ.).

Tishkov V. A. *Obshchestvo v vooruzhennom konflikte. Etnografiya chechenskoy voyny* [Society in the armed conflict. Ethnography of the Chechen war]. Moscow: Nauka Publ., 2001, 532 p. (in Russ.).

Vvedeniye v vostokovedeniye [Introduction to Oriental Studies]. Saint Petersburg: KARO Publ., 2011, 584 p. (in Russ.).

Vygotsky L. S. *Sobraniye sochineniy: v 6 tomakh* [Collection of works: in 6 vol.]. Moscow: Pedagogika Publ., 1982, vol. 2, 483 p. (in Russ.).